

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-53-60

«История самая простая и нисколько не занимательная...»: лингвопоэтика хроники Н. С. Лескова «Соборяне» (к 190-летию со дня рождения)

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия, kafrus@rambler.ru

Аннотация. На примере хроники «Соборяне» (1872) в статье рассматриваются основные черты индивидуального художественного стиля Н. С. Лескова. Анализируется авторский подход к жанру хроники и выявляются его особенности. Детально представляются составляющие сказовой манеры повествования, исследуются языковые изобразительно-выразительные приемы автора и его лексические новообразования. В работе вычерчивается линия литературно-языковой традиции, которую наследует произведение Лескова и которую автор адресует своим творческим последователям. Лингвопоэтический анализ проводится в тесной связи с идейным содержанием литературного произведения и воплощает концепцию «внутреннего языкового мира» художественного текста.

Ключевые слова: Николай Лесков, лингвопоэтика, жанр, нарратив, сказ, художественные средства, лексика, новообразования, речевая характеристика героя

Для цитирования: Романов Д. А. «История самая простая и нисколько не занимательная...»: лингвопоэтика хроники Н. С. Лескова «Соборяне» (к 190-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 1. С. 53–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-53-60.

ORIGINAL ARTICLE

«The story is the simplest and not entertaining at all...»: linguopoetics of N. S. Leskov's chronicle «Soboryane» (to the 190th anniversary of the birth)

Dmitry A. Romanov

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru

Abstract. The author examines the main features of the individual artistic style of N. Leskov by analysing his chronicle «Soboryane» (1872). The specific features of Leskov's approach to the chronicle genre are revealed. The components of the narrative manner are explored in detail; the linguistic representational and expressive techniques of the author, as well as his new lexical formations, are investigated. The paper outlines the literary and linguistic tradition, which Leskov addresses to his followers. The linguopoetic analysis was carried out in close connection with the ideological content of the literary work, which allowed the «inner linguistic world» of the text to be revealed.

Keywords: Nikolay Leskov, linguopoetics, genre, narrative, skaz (narrative tale), artistic means, vocabulary, new formations, speech characteristics of a character

For citation: Romanov D. A. «The story is the simplest and not entertaining at all...»: linguopoetics of N. S. Leskov's chronicle «Soboryane» (to the 190th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2021. Vol. 82, No. 1. P. 53–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-53-60.

Введение. Лесков принципиально настаивал на том, что его «Соборяне» — хроника. Не роман, не беллетристическое произведение, а именно хроника, единственное и первое в нашей литературе повествование «без любовной интриги» [Лесков 1981: 258]. В этом жанре рос замысел автора на протяжении пяти лет, изменяя название и объем изображаемого. Первоначально произведение называлось «Чаша движущая воды», текст стали публиковать в «Отечественных записках» (1867), затем под названием «Божедомы» в переработанном виде его первая часть увидела свет в «Литературной библиотеке» Ю. М. Богушевича, и только в 1872 г. журнал «Русский вестник» напечатал завершённый вариант старгородской хроники под названием «Соборяне». Но уже при появлении первых страниц произведения в «Отечественных записках» Лесков просил Краевского в журнальных анонсах называть свое творение хроникой.

Жанровое определение в данном случае несет зерно понимания авторского замысла, который, по словам самого Лескова, «задуман по такому щекотливому плану, что с исполнением его нужно обходиться очень осторожно» [Там же: 181]. Лескову важно изобразить не судьбы выдающихся (или «новых» и «особенных») людей, не жизнь бурлящую, «занимательную», исполненную идейной борьбы и преобразований, как это было популярно в романах 1860-х гг., а людей обыкновенных, которых в России большинство и на которых держится ее размеренное, с обычными, простыми бедами и радостями, существование. Лескову не интересны столицы, принципиально чужды новаторы и новации, его волнует положение русской провинции, которая и составляет основу государства. В ней течет спокойная, «хроникальная», «летописная», мало изменяющаяся жизнь русского народа, поддерживающая духовные связи с прошлым, ориентированная на традиционные национальные идеалы, а самое главное — хранящая глубокую православную веру и страх перед Богом за дурные поступки и помыслы. Лесков хочет представить читателю неторопливую хронику мелочей провинциальной жизни, которые, с его точки зрения, гораздо важнее столичной шумихи.

Анализ. Произведение Лескова сознательно противопоставляет провинцию и столицу. Эта антитеза проходит через все произведение и проявляется в характере изображения различных героев, в хронотопе повествования, в авторских комментариях и т. д. В складе речи людей эта антитеза приобретает так свойственное стилю Лескова сатирическое звучание: дьякон Ахилла, возвратившись из столицы, начинает говорить по-иному:

Бог знает что он рассказывал: это все выходило пестро, громадно и нескладно, но всего более в его рассказах удивляло отца Савелия то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащал свою речь самыми странными словами, каких он до поездки в Петербург не только не употреблял, но, вероятно, и не знал!

Так, например, он ни к селу ни к городу начинал с того:

— Представь себе, голубчик, отец Савелий, какая комбынация (причем он беспощадно упирал на *ы*).

Или:

— Как он мне это рассказал, я ему говорю: ну нет, же *ву пердю*, это, брат, сахар *дюдо*.

Отец Туберозов хотя с умилением внимал рассказам Ахиллы, но, слыша частое повторение подобных слов, поморщился и, не вытерпев, сказал ему:

— Что ты это... Зачем ты такие пустые слова научился вставлять?

Но бесконечно увлекающийся Ахилла так нетерпеливо разворачивал перед отцом Савелием всю сокровищницу своих столичных заимствований, что не берегся никаких слов.

— Да вы, душечка, отец Савелий, пожалуйста, не опасайтесь, теперь за слова ничего — не запрещается.

— Как, братец, ничего? слышать скверно¹.

С консервативностью провинциальных жителей, с их привычкой жить не забывая Бога связывает Лесков свои надежды на то, что пореформенная Россия «не извертится», «не вылезет вон из кожи», а сохранит свое величие и достоинство. Даже самые бойкие либералы и нигилисты в провинции остерегаются своей радикальности. Недаром учитель Препотенский говорит

¹ Здесь и далее текст хроники цит. по: Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 45–334.

о Петербурге: «Прекрасно, что “резче”; я там и буду резок, я там церемониться не стану, но здесь, помилуйте...».

Придуманый Лесковым в «Соборях» провинциальный Старгород — связующая нить между легендарным прошлым России и ее будущим. А протопоп Савелий Туберозов — мудрый философ, понимающий, что в развитии страны не нужны радикальные перемены, не нужен отрыв народа от его духовных корней, от его прошлого, от его веры. Туберозов — противник коренной ломки и «беснования» нововведений. Показательны его рассуждения о старой церковке его детства:

— Представьте: стало мне жаль деревянной церковки. Чуден и светел новый храм возведут на Руси, и будет в нем и светло и тепло молящимся внукам, но больно глядеть, как старые бревна без жалости рубят!

Обитателям старгородской соборной поповки противостоят всевозможные прогрессисты, новаторы, нигилисты. «Соборяне» вышли в свет одновременно с «Бесами» Достоевского и так же, как последние, дают целую галерею разрушителей основ российской жизни. Это и пародийные, почти карикатурные «бесенята» (акцизница Бизюкина и учитель Препотенский), изображенные в традиции тургеневских Ситникова и Кукшиной, и серьезные, беспринципные, страшные столичные «бесы» (князь Борноволоков и письмоводитель Термосесов), в которых Лесковым, как и Достоевским, ухвачена их важнейшая черта — способность «перемалывать» людей. И хотя отец Савелий остается духовно несломленным, но разрушение его домашнего очага, смерть жены и в конце концов запустение всей старгородской поповки — преступное деяние их рук. Неторопливый жанр хроники дает возможность автору показать, как из завиральных идей подражания западным показным «свободам» рождаются человеконенавистнические теории отечественного, широкого размаха. Комическая история скелета, которая занимает все существо Варнавы Препотенского, сопровождается в первой части произведения его легкомысленными сентенциями:

В Испании Библий лютеранских нельзя иметь, но там и заговоры, и восстания, и все делается. Я уверен, что пусть бы там кто-нибудь завел себе кости, чтобы учиться, так ему этого не запретят. А тут...

Он же разглагольствует о шпионстве:

Без шпионов нельзя обойтись, вводя новые учения, потому что надо штудировать общество.

Завершается же эта либеральная языковая «ниточка» в третьей части повествования циничными и казуистичными словами доноса, сочиненного подлецом Термосесовым:

Старгородский протопоп Савелий Туберозов, уже не однажды обращавший на себя внимание начальства своим свирепым и дерзким характером и вредным образом мыслей, был многократно и воздерживаем от своих не позволенных поступков, но, однако, воздерживается весьма мало и в сущности полон всяких революционных начал. Не хочу предрешать, сколько он может быть вреден целям правительства, но я полагаю, что вред, который он может принести, а частью уже и приносит, велик бесконечно.

Жанр хроники дает возможность автору включать в повествование различные вставные истории, документы, послания и т. д. Это делает «Соборяне» стилистически многоголосым произведением. Помимо голоса автора-нарратора, мы слышим спокойную внутреннюю речь отца Савелия в его дневнике-календаре; воспринимаем цветистый слог плодомасовского карлика Николая Афанасьевича в обширной вставной новелле о беседе с императором Александром и несостоявшейся женитьбе на Метте Ивановне; улавливаем срывающиеся трусливые интонации письма князя Борноволокова его петербургской кузине Нине; вдумываемся в страшную сущность тяжеловесных доносов Измаила Термосесова, туго закрученных на канцелярских оборотах и плотно пригнанных идейно-оценочных словах. Любой фрагмент этой хроники может стать самостоятельным повествованием, какими и были первоначально «Плодомасовские карлики» и история Константина Пизонского. Лесков словно бы действительно моделирует древнюю хронику, вроде Саксона Грамматика или Рафаэля Холиншеда, как некий нарративный узел, из которого можно вытягивать различные нити, как Шекспир «вытягивал» сюжеты своих пьес. Это открывает читателю возможность осмысливать не только произведение в целом, но и отдельные его части. Весьма поучительны история Варнавы Препотенского,

завершившего жизнь второстепенным журналистом под пятой деспотичной и сварливой жены; бесславная, бесцветная судьба аристократа по рождению князя Борноволокова, ушедшего в иной мир внезапно, никчемно и без покаяния; разрушенная предательством жизнь мещанина Данилки, ставшего вором. Вместе с тем насколько осмысленными, наполненными, глубокими и достойными с точки зрения целей земного бытия воспринимаются хроникальные истории Марфы Андреевны Плодомасовой, Наталии Николаевны Туберовой, отца Захарии Бенефактова.

Язык всех лесковских текстов отличается необыкновенной «сочностью». Она складывается (и это не раз отмечалось исследователями), как минимум, из трех составляющих: 1) из особой, сказовой манеры организации повествования (нарративного многоголосия, о котором уже упоминалось); 2) из обилия и нетривиальности лексических и синтаксических средств выразительности; 3) из большого количества различного рода новообразований (лексически и грамматически перестроенных слов, уникального просторечия, забавных и оригинальных разговорных словечек, придуманных самим автором или заимствованных им из речи простонародья). Д. С. Лихачев считал стиль Лескова результатом «литературной интриги», ставшей «перед читателем загадки, которые интригуют его на промежуточных этапах развития сюжета» [Лихачев 1987: 331].

Все эти черты присутствуют и в «Соборянах».

Сказовая манера повествования поддерживается не только многообразием нарративных линий и несходством голосов рассказчиков, о чем говорилось ранее, но и большим количеством прямой (и несобственно-прямой) речи персонажей вообще. Текст хроники буквально пронизан диалогическими структурами, в состав которых входят значительные по объему высказывания персонажей от первого лица. «Разговор героев писатель... передает не “со стороны”, а в непосредственном живом звучании, предоставляя им самим рассказывать о своей жизни» [Троицкий 1989: 25]. Лесковский сказ заметно вочеловечен, автор охотно передает свои повествовательные задачи героям. Рассказ о себе и слушание другого – самые частотные роли лесковских персонажей. Таким

способом автор, с одной стороны, делает хронику более компактной: любой человек рассказывает о себе охотно, подробно, но вместе с тем емко. С другой стороны, Лесков «нагружает» читателя задачей выявления особенностей самораскрытия характеров героев через их прямую речь, что придает характерам большую емкость, – точнее, показывает, насколько нелегко бывает разобраться в человеке, только слушая его.

Прямая речь отца Савелия всегда идет об руку с делом. Его размышления о судьбах страны, тревоги о разрушении истинной веры, осуждение лицемерия, высказываемые в разговорах с женой, в страстных проповедях с церковного алтаря, в беседах со старгородским дворянским предводителем Тугановым и т. д., подтверждают его благими делами: постоянной помощью ближним, наставлением заблудших, заступничеством за гонимых перед сильными мира сего. Протопоп всю жизнь последователен как в словах, так и в делах. Взмолвленно, но весомо он говорит Туганову в период своего относительного благополучия:

Что будет из всей этой шаткости?... Без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... Это... это губит Россию.

И те же слова о гибельности бездуховных деяний он, много претерпевший и униженный на старости лет, произносит в последние минуты своей жизни:

Как христианин, я... прошая им мое перед всеми поругание, но то, что, букву мертвую блюдя... они здесь... божие живое дело губят... Ту скорбь я к престолу... Владыки царей... положу и сам в том свидетелем стану...

Речь отца Савелия, по сути, и есть его поступки. Здесь отсутствует какой бы то ни было зазор.

Таков же и прямодушный Ахилла Десницын. Его речь, разумеется, лишена глубокомыслия, но всегда искренна. У него есть еще одна поразительная способность: он может по-настоящему слышать и понимать других. Ахиллу Лесков изображает «человеком слушающим». В этом его трудно обмануть. Даже если он оболещается первыми ложными словами собеседника, то потом, каким-то внутренним чутьем проникая в подлинный замысел другого человека, дает ему верную оценку. При всей взбалмошности и неуравновешенности

Ахилла обладает врожденной способностью понимать правду. Вспомним его восприимчивость к замечаниям протопопа Савелия, восторженную реакцию на рассказы плодомасовского карлика Николая Афанасьевича и быстрое отрезвление от очарования Термосесовым («Ну так ты, я вижу, петербургский мерзавец...»).

Речь отрицательных персонажей хроники, и особенно заезжих петербургских «ревизоров», существенно разнится в зависимости от ситуации. Она показывает их лживые, «скользкие» натуры. И Бизюкина, и Препотенский, и Термосесов, желая понравиться, способны быть любезными и обходительными, но в общении друг с другом, во внутренней речи они не надевают масок и опускаются до грубости, цинизма, примитивной расчетливости. Показателен краткий диалог Термосесова с мещанином Данилкой, которого он склоняет подписать жалобу на дьякона. Этот диалог, длящийся не более десяти минут, начинается с торжественного именованья Данилки *гражданином* и сочувствия к его обиде, а завершается площадной бранью: «Я тебе, бездельнику, тогда всю рожу растворю, щеку на щеку помножу, нос вычту и зубы в дробь превращу!»

Абсолютно все герои «Соборян» — участники разноголосого хроникального сказа, и их речь моделируется автором далеко не случайно. «Сказ открывает перед художником сокровища живых и мертвых слов. В сказе писатель может свободно располагать инвентарем этнографических и социально-групповых диалектов, жаргонов, разных жанров письменной речи, производить в них всевозможные перемещения и создавать из всего этого пестрого материала композиционные построения, монологи...» [Виноградов 1971: 126]. Даже эпизодические персонажи участвуют в этом лесковском «старгородском хоре». Внимательному читателю нетрудно разобраться, какие характеры скрываются за провинциальной светской воркотней почтмейстерши, снисходительно-высокомерной речевой линией петербургской гостьи Мордоконаки, нелепыми стихотворными опусами капитана Повердовни и т. д.

К сказовым чертам относятся и приемы, подчеркивающие авторское выстраивание композиции. «Обнажение» творческой технологии в художественном произведении

создает особую доверительность повествующей интонации, а это весьма важно для сказа как такового. В использовании подобных приемов у Лескова были великие учителя: это прозаики XVIII в. (Лёвшин, Болотов), Карамзин, Пушкин, Герцен. «Соборяне» содержат целый ряд таких фрагментов, включая авторские вопросы о ходе повествования. Вот некоторые примеры:

Этот пейзаж и жанр представляли собою простоту старгородской жизни, как увертюра представляет музыку оперы; но увертюра еще не окончена. <...>

Теперь волей-неволей, повинуюсь неодолимым обстоятельствам, встречаемым на пути нашей хроники, мы должны оставить на время и старгородского протопопа и предводителя и познакомиться с совершенно другим кружком того же города. <...>

...отец Туберозов условился туда же прийти несколько попозже, чтобы напиться чаю и проводить свою любимейшую духовную дочь.

Но где же Ахилла и где Препотенский?

Учитель исчез из церкви, как только началась служба...

Лесков в изобилии пользуется средствами языковой художественной выразительности, временами предельно сгущая их концентрацию в тексте, и это становится опознавательным признаком его идиостиля. Вот, например, описание упряжки плодомасовских коней, в котором троекратное сравнение разрешается в финале былинной метафорой:

...с горы осторожно... спускалась могучая тройка рослых буланых коней. Коренник мнется и тычется ногами, как *старый генерал, подходящий, чтобы кого-то распечь*: он то скусит губу налево, то скусит ее направо, то встряхнет головой и опять тычет и тычет ногами; пристяжные то вьются, как *отыскивающие vis-à-vis уланские корнеты*, то сжимаются в клубочки, как *спутанные овцы*; малиновый колокольчик шлепнет колечком в край и снова прилип и молчит; одни бубенчики глухо рокочут, но рокочут без всякого звона. *Но вот этот трехглавый змей сполз и распустился: показались хребты коней, махнул в воздухе хвост пристяжной; из-под ветра взвезла грива*; тройка выровнялась и понеслась по мосту.

Тема хроники (провинциальная жизнь Старгорода) предопределяет обилие пейзажных зарисовок, также густо уснащенных лексическими изобразительно-выразительными (преимущественно тропическими)

средствами. Лесков с восторгом рисует хорошо знакомую и горячо любимую природу среднерусского уездного городка и его окрестностей. Так, например, утреннее купание дьякона изображено с привлечением множества эпитетов:

В эти минуты *светозарный* Феб быстро выкатил на своей *огненной* колеснице еще выше на небо; совсем *разредевший* туман словно весь пропитало *янтарным* тоном. Картина обогрилась багрецом и лазурью, и в этом *ярком, могучем* освещении, весь облитый лучами солнца, в волнах реки показался *нагой* богатырь с *буйною* гривой *черных* волос на *большой* голове. Он плыл против течения воды, сидя на достойном его *могучем красном* коне, который мощно рассекал *широкою* грудью волну и сердито храпел *множно-огненными* ноздрями.

Цветовые эпитеты, сравнения и метафоры становятся доминантами в изображении опушки пригородного леса в летний полдень:

Несмотря на повсеместный жар и истому, в густом *темно-синем* молодом дубовом подседе стояла живительная свежесть. На упругих и как будто обмокнутых в *зеленый* воск листьях молодых дубков ни соринки. Повсюду живой, мягкий, успокаивающий мат; из-под *пестрой*, трафаретной листвы папоротников глядит *ярко-красная* волчья ягода; выше, вся *озолоченная светом*, блещет сухая орешина, а вдали, на *темно-коричневой* торфянистой почве, раскинуты целые семьи грибов, и между них *коралл* костяники.

В летнем городском пейзаже Лескова ощутимы гоголевские мотивы: изобразительность здесь преимущественно номинативная, не пышная, не образная, но за каждым простым, неказистым, на первый взгляд, элементом пейзажа встает мощная энергия авторской симпатии, приязни, любви. Укрупнение отдельной детали в подобном пейзаже и ее маркировка с помощью яркого тропа (*янтарные глаза дремлющих кур*) тоже относится к числу гоголевских приемов:

Густая серая пыль, местами изборожденная следами прокатившихся по ней колес, сонная и увядшая муравка, окаймляющая немощные улицы к стороне воображаемых тротуаров; седые, подгнившие и покосившиеся заборы; замкнутые тяжелыми замками церковные двери; деревянные лавочки, брошенные хозяевами и заставленные двумя крест-накрест положенными досками; все это среди полдневного жара

дремлет до такой степени заразительно, что человек, осужденный жить среди такой обстановки, и сам теряет всякую бодрость и тоже томится и дремлет. <...>

Тут, напротив, стлалась зеленая мурава, и две курицы, желавшие понежиться в пыли на солнечном припеке, должны были выйти для этого за калитку и лечь под ее порогом на улице. ...при появлении перешагнувшего через них Дарьянова они даже не шевельнулись и не тронулись, а только открыли по одному из своих янтарных глаз и, проводив сонным взглядом гостя, снова завели их выпуклыми серыми веками.

Грозовой пейзаж несет в хронике символический смысл: после этой грозы начнется разрушение богобоязненного старгородского провинциального мира. Этот фрагмент текста соотносится с традицией русской литературы изображать грозу как знак крутого слома жизни и имеет как предшественников, так и последователей. Достаточно вспомнить, например, драму А. Н. Островского «Гроза» (1859) и стихотворение Н. А. Заболоцкого с одноименным названием (1946). Вот грозовой пейзаж Лескова, закономерно вписанный в названную традицию русской литературы (ведущим тропеическим приемом здесь, несомненно, является сравнение):

К черной туче, которою заслонен весь восток, снизу взмывали клубами меньшие тучки. Их будто что-то подтягивало и подбирало, *как кулисы*, и по всему этому нет-нет и прорежет огнем. *Точно маг, готовый дать страшное представление, в последний раз осматривает с фонарем в руке темную сцену, прежде чем зажжет все огни и поднимет завесу.* Черная туча ползет, и чем она ближе, тем кажется непроглядней. <...> Солнца уже нет: тучи покрыли его диск, и его длинные, *как шпаги*, лучи, просветив мгновение, тоже сверкнули и скрылись. Вихорь засвистал и защелкал. Облака заволновались, *точно знамена*.

Образность языка лесковского сказа поддерживается почти всеми тропеическими средствами, которые вводятся буквально с первых фраз повествования: *глаза отца Савелия*, впервые представляемого читателю, изображаются метафорически как отражающие *блеск радостного восторга* и *туманы скорби*, внешний облик отца Захарии дан повествователем через меткое сравнение — *сам он весь точно сплетен из соломки*. Сатиричность образа Варнавы

Препотенского усиливается в том числе с помощью многократно повторяемого в его прямой речи каламбура *мои кости* (он сам, конечно, имеет в виду кости собранного им скелета, однако в репликах героя это звучит весьма комично): *Я вот заберу мои кости, поеду в Петербург; Она с моими врагами дружит, она мои кости хоронит; Он бросил мои кости в такое место, что теперь нет больше никакой надежды...*

В речи героев и в авторском нарративе Лесков употребляет многочисленные паремии (пословицы, поговорки, присловия, народные и церковные афоризмы и т. д.), а также меткие авторские сентенции, созданные по их моделям. Большинство из них не является широко известными (или вообще придуманы самим Лесковым), а потому обязательно сосредоточивает на себе внимание читателей. Вот несколько примеров из текста: *Тому нет спасения, кто в самом себе носит врага; Всякая дальняя сосна своему бору шумит; Было бы болото, а черти найдутся; Впереди стояла затрешина, а сзади — тычок; Довлеет тебе, яко вороне, знать свое кра; Я голова не чайная, а я голова отчаянная* и др.

Религиозная тема хроники рождает использование церковнославянских языковых элементов. В названных выше паремических формулах они легко опознаются. Кроме того, в тексте частотны звательные формы, выполняющие разные функции, среди которых и сатирическая: *О, роде лукавый! Думай о них, брате мой... Гряди, плещи! Вот, друже мой, как вышло.*

Излюбленным приемом языковой выразительности Лескова являются разного рода стилистические и семантические творческие интерпретации глагольных форм. Писатель часто конструирует выразительные глагольные градиационные ряды (чаще трехчленные, но иногда и более обширные), например:

— Что это ты так... и бежишь, и пыхтишь, и копишь, и топчешь?;

— ...отец, кажется, ее не знал, не теснил, не неволил;

Он как... настоящий ураган... идет... палит, жжет...

Достаточно регулярно в своем хроникальном повествовании автор «переключает» временные регистры глаголов в соседних предложениях. Однообразный ход нарратива в прошедшем времени перебивается

введением форм настоящего времени, что оживляет внимание читателей, подчеркивает разговорный сказовый характер авторской речи и представляет события более реалистично, наглядно, динамично. Вот один из подобных фрагментов текста:

...в углу, на погребальных носилках, сидел, сбивая щелчками пыль с своих панталон, учитель Препотенский, лицо которого сияло на этот раз радостным восторгом: он глядел в глаза протопопу и дьякону и улыбался. Он, очевидно, слышал если не весь разговор, который они вели на сходах храма, то по крайней мере некоторые слова их. Но зачем, как, с какого повода появляется здесь безжавший храма учитель? Это удивляет и Ахиллу и Туберозова...

Лесков не чужд языковой игре с глагольными паронимами. В комических целях он сталкивает глагольные паронимические лексемы. Вот забавный пример подобной языковой игры (паронимы выделены Лесковым):

...миску с досады разбила: «Не годится, говорит, она теперь; ее собака *нанюхала*». Ну, я вас спрашиваю: вы, Валерьян Николаич, знаете физику: можно ли что-нибудь *нанюхать*? Можно *понюхать*, можно *вынюхать*, но *нанюхать*! Ведь это дурак один сказать может!

Образные употребления глаголов Лесковым всегда становятся центром ситуативной или личностной характеристики: размеренную беседу священников точно называет временная глагольная метафора *уплыло еще полчаса*; суетную жизнь Варнавы Препотенского емко обозначает глагол, сказанный его матерью, — *до бесконечности извертелся*; нетерпение Бизюкиной познакомиться со столичными гостями-реvizорами сатирически передает следующий выразительный глагол: *Бизюкина бросила из рук линейку, которую размахивала, уча детей песне, и быстро рванулась в залу.*

О лесковском словотворчестве и роли в его произведениях необычных авторских словечек написано немало. А. А. Реформатский считал «словообразовательное богатство» произведений Лескова уникальным в русской литературе [Никитина 1989: 173]. Следует отметить, что большинство новообразований писателя создано по народным языковым моделям и представляет собой так называемые потенциальные слова. Например, в «Соборях» встречаются потенциальные существительные

с уменьшительными суффиксами (*карнизец, экипажец, людцы, рандевушка*), потенциальные сложные лексемы (*своеобычливость*). Реже лесковские авторские слова представляют собой окказионализмы. Так, в «Соборьях» можно отметить существительные *опрокидонт* и *опрокидонтик* — ‘выпивка, употребление спиртных напитков’.

Чаще всего новообразования Лескова лежат в сфере глагольной лексики, которая в сравнении с узуальными деривационными источниками преобразуется и формально, и семантически. Приведем показательные примеры из текста хроники:

— ...всю эту вольнодумную гадость, которая у вас завелась, сразу *выдушу*. (*Выдушить* — ‘уничтожить, задушить’)²;

...ноги его подкосились и стали; но через мгновение *отдрогнули*, как сильно нагнетенные пружины... (*Отдрогнуть* — ‘отмереть, прийти в движение, резко дрогнуть’)³.

Выводы. Поэтика «Соборьян» отражает все основные черты индивидуально-художественного стиля Н. С. Лескова. Хроника, созданная в узнаваемой «простодушно-затейливой» речевой манере писателя, в меньшей степени ставит задачу сделать повествование занимательным. Занимательность для Лескова — синоним искусственной литературщины, направленной на развлечение читателя. Здесь же «дышит сама жизнь» — полнокровная, богатая, но без прикрас и литературных фантазий. Писатель, изображая своих героев «из родной глухомани», вроде

² Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: Флинта, 2017. С. 115.

³ Там же. С. 358.

бы «стоящих в стороне от главного исторического движения», верит, что именно они «сильнее других делают историю» [Троицкий 1989: 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
2. *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова. Тула: Приокское книжное изд-во, 1981. 648 с.
3. *Лихачев Д. С.* Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // *Лихачев Д. С.* Избранные работы: в 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1987. С. 315–352.
4. *Никитина С. Е. А.* Реформатский и Н. С. Лесков: Заметки на полях // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 170–177.
5. *Троицкий В. Ю.* С думой о России // *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 3–44.

REFERENCES

1. *Vinogradov V. V.* About the theory of artistic speech. Moscow: Higher School Publ., 1971. 239 p. (In Russ.).
2. *Leskov A. N.* Life of Nikolai Leskov. Tula: Prioksky Book Publishing House, 1981. 648 p. (In Russ.).
3. *Likhachev D. S.* Features of the poetics of the works of N. S. Leskov. *Likhachev D. S. Izbrannye raboty = Selected works*: in 3 vol. Vol. 3. Leningrad: Artistic Literature, 1987. P. 315–352. (In Russ.).
4. *Nikitina S. E. A.* Reformaty and N. S. Leskov: Notes in the margins. *Yazyk i lichnost' = Language and personality*. Moscow: Science, 1989. P. 170–177. (In Russ.).
5. *Troitsky V. Yu.* With a thought about Russia. *Leskov N. S. Sobranie sochinenii = Collected Works*: in 12 vol. Vol. 1. Moscow: Truth, 1989. P. 3–44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, факультет русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Dmitry A. Romanov, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Russian Philology and Documentation, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy

Статья поступила в редакцию 02.10.2020; одобрена после рецензирования 04.11.2020; принята к публикации 05.11.2020.

The article was submitted 02.10.2020; approved after reviewing 04.11.2020; accepted for publication 05.11.2020.